

потому только, что оно многихъ обращаетъ на свою сторону, ибо сколько такихъ, которые всецѣло предаются злу, которые перебѣгаютъ на сторону развращенія.—Кто это отрицаетъ? Однако то, что дѣйствительно есть зло, даже тѣ самые, которыхъ оно поработщетъ, не осмѣливаются защищать, какъ добро. Природа всякое зло покрыла одеждою страха или стыда. Такъ злодѣи сильно желаютъ скрываться: стараются не показываться; трепещутъ, если бываютъ пойманы; отрицаются, если ихъ обвиняютъ; нелегко и не всегда сознаются даже въ томъ случаѣ, если ихъ подвергаютъ пыткамъ, жалуются, если ихъ справедливо осудятъ, пересчитываютъ въ себѣ самихъ ¹⁾ проявленія злой воли, приписываютъ ихъ или судьбѣ или звѣздамъ. Ибо они не хотятъ, чтобы имъ принадлежало то, что они признаютъ зломъ. А христіанинъ дѣлаетъ ли что либо подобное? Никому не стыдно; никто не раскаивается, развѣ только въ томъ раскаивается, что раньше не былъ христіаниномъ. Если кто порицается, то онъ этимъ славится; если обвиняется, то не защищается; спрошенный сознается даже добровольно; осужденный воздастъ благодарность. Что это за зло, которое не имѣетъ натуральныхъ свойствъ зла: страха, стыда, увертки, раскаянія, плача? Что это за зло, отвѣтчикъ за которое радуется, обвиненіе въ которомъ есть желаніе, а наказаніе за которое есть блаженство? Ты не можешь назвать это безуміемъ, такъ какъ ты изобличенъ въ незнаніи.

2. Но если достовѣрно то, что мы преступники и притомъ вѣличайшіе; то почему вы сами относитесь къ намъ не такъ, какъ къ подобнымъ намъ, то есть, къ прочимъ преступникамъ, хотя къ одному и тому же преступленію должно было бы быть одно и тоже отношеніе? Когда другіе обвиняются во всемъ томъ, въ чемъ мы обвиняемся, то они для доказательства своей невинности и сами себя защищаютъ и пользуются наемными адвокатами ²⁾. Имъ открыта

¹⁾ Т. е. сознаются себѣ самимъ, а не другимъ, въ проявленіяхъ злой воли.

²⁾ Раутенъ: *et proprio et mercenario ore utuntur*, пользуются и собственными и наемными устами.

ую возможность и отвечать и возражать, такъ какъ и вообще не дозволено осуждать тѣхъ, которые не защищались и не выслушивались. Но однимъ только христіанамъ не дозволяютъ ничего говорить, что оправдывало бы ихъ дѣло, что защищало бы истину, что и предохраняло бы судью отъ несправедливости. Только того и ожидаютъ, что необходимо для общественной ненависти, именно: признанія въ имени, и не разслѣдованія преступленія. Когда производите слѣдствіе по дѣлу какого либо преступника, то вы произносите приговоръ не тотчасъ послѣ того, какъ онъ объявитъ себя челоуѣкоубійцею, или свлѣдѣтцемъ, или кровосмѣшникомъ, или общественнымъ врагомъ (я напѣваю свои елогіи) ¹⁾ но послѣ того, какъ узнаете свойство преступленія, число, мѣсто, образъ, время, свидѣтелей, соучастниковъ. Съ нами ничего такого не дѣлаютъ, хотя должно было бы разслѣдовать все то, въ чемъ ложно обвиняютъ насъ, а именно: сколько каждый изъ насъ пожралъ умерщвленныхъ дѣтей? сколько при погашенныхъ свѣчахъ уже совершилъ кровосмѣшеній? какіе были при этомъ повага, какія собаки? О, какая честь была бы судѣ, еслибы онъ открылъ то, который пожралъ уже сотню младенцевъ! Напротивъ, мы знаемъ, что разыскивать насъ даже запрещено. Когда Плиній Младшій управлялъ провинціею, то онъ, однихъ христіанъ осудивъ, а другихъ имѣвшихъ должности, обратился за разрѣшеніемъ къ тогдашнему императору Траяну, что ему дѣлать на будущее время, такъ какъ онъ былъ смущенъ самымъ множествомъ ихъ. Къ этому Плиній Младшій писемнокупилъ, что онъ, кромѣ рѣшительнаго отказа приносить жертвы, узналъ о нихъ только то, что у нихъ бываютъ собранія до разсвѣта для прославленія Христа, какъ Бога ²⁾, и для распространенія ученія въ своемъ обществѣ ³⁾, и что они запрещаютъ челоуѣкоубійство, прелюбодѣяніе, обманъ, вѣроломство и прочія преступленія

¹⁾ Подъ *elogium* у Тертуліана и другихъ церковныхъ писателей разумеется *титулъ, свидѣтельство, знакъ*. De Corona cap. V

²⁾ Елєрь: *Christo et Deo, Христу и Богу*.

³⁾ По Раупену: для утвержденія союзомъ ученія, воспрещающаго челоуѣкоубійство...

тогда Траянъ отвѣтилъ ему: хотя людей этихъ отыскивать не
должно, но наказывать должно, если ихъ представлять ¹⁾. О рѣшеніе,
то необходимости смѣшенное! ²⁾ Онъ утверждаетъ, что людей **этихъ**
не должно отыскивать, какъ невинныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣ-
ваетъ наказывать ихъ, какъ виновныхъ. Онъ шадитъ и свирѣпствуетъ;
онъ скрываетъ и открываетъ. Зачѣмъ ты проводишь себя самого такимъ
рѣшеніемъ? ³⁾ Если осуждаешь, то почему не отыскиваешь? Если не оты-
скиваешь, то почему и не освобождаешь? Для отыскиванія разбойни-
ковъ ⁴⁾ избирается ⁵⁾ по жребію военная стража во всѣхъ провинціяхъ. По
отношенію къ виновнымъ въ оскорбленіи императорскаго величества и по-
отношенію къ общественнымъ врагамъ всякій человѣкъ есть воинъ. Ро-
мыски распространяются на соучастниковъ и свидѣтелей. Одного только
христіанина не дозволено отыскивать, а представлять дозволено, какъ
будто отыскиваніе имѣетъ сдѣлать что либо другое, кромѣ представ-
ленія. Итакъ вы осуждаете представленнаго, котораго никто не хо-
телъ отыскивать, который, мнѣ кажется, уже не потому заслужилъ
наказаніе, что виновенъ, а потому, что найденъ тотъ, котораго не
должно было найти. Вы поступаете съ нами не по закону ⁶⁾ судо-

¹⁾ Письмо Плинія и отвѣтъ на него Траяна сохранились до нашего
времени. L. X, ep. 97 и 98. Отвѣтъ Траяна въ письмѣ Плинія таковъ:
„Conquirendi non sunt, si deferantur et arguantur, puniendi sunt“.

²⁾ О *sententiam necessitate confusam*. Елеръ и Рлшень *necessi-
tate* понимаютъ въ смыслѣ *animi angustiiis*, малодушія. „Траянъ, какъ
говоритъ Раушенъ, старался удовлетворить и ненависти римскихъ граж-
данъ и справедливости“.

³⁾ *Quid temetipsam, censura, circumvenis*. Зачѣмъ ты, судя,
проводишь себя самого. Такъ у Раушена.

⁴⁾ Августъ, по Светонію, уменьшилъ грабителей, поставивъ стражу
на удобныхъ мѣстахъ. Avg. 32. Его пригѣру слѣдовали и другіе импе-
раторы.

⁵⁾ *Sortitur*. Оглозвительный глаголъ употребленъ здѣсь въ значеніи
предательномъ.

⁶⁾ *Ex forma*. *Forma* у Тертулліана очень часто употребляется въ
значеніи *modus, lex*.

производства надъ преступниками и въ томъ еще, что ихъ, если они отречаются, вы подвергаете пыткамъ для того, чтобы они признались, а насъ—для того, чтобы мы отреклись. Но еслибы дѣйствительно то было зло, что мы открыто признаемъ; то тогда мы, конечно, стали бы отрекаться, а вы принуждены были бы заставлять насъ съ признанію пытками. Вы не въ правѣ полагать, что преступленія не должно открывать при помощи розысковъ потому, что вы знаете о совершеніи ихъ изъ признанія имени; такъ какъ вы, зная, что такое человекоубійство, тѣмъ не менѣе, когда преступникъ сознается въ этомъ, стараетесь узнать образъ совершенія этого преступленія. Какъ какъ вы предполагаете о нашихъ преступленіяхъ изъ признанія имени; то для васъ тѣмъ преступнѣе принуждать насъ отрекаться отъ этого признанія, чтобы мы, отрекаясь отъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ отреклись и отъ тѣхъ преступленій, о которыхъ вы предполагаете изъ признанія имени. Но, я полагаю, вы не хотите, чтобы мы, которыхъ вы считаете отъявленными преступниками, гибли. Поэтому, конечно, вы обыкновенно, говорите человекоубійцѣ: *отрекайся* ¹⁾, и если онъ упорствуетъ въ своемъ признаніи, то вы, обыкновенно, продолжаете подвергать его пыткамъ, какъ безбожника. Если вы поступаете съ нами не такъ, какъ съ виновными; то слѣдовательно вы признаете насъ невинными. Поэтому какъ будто вы не хотите, чтобы мы, невинные, оставались при своемъ признаніи, о которомъ вы знаете, что его должно осуждать по необходимости, а не по справедливости. Человѣкъ говоритъ во всеуслышаніе: я христіанинъ ²⁾. Онъ говоритъ то, что онъ есть; а ты хочешь услышать то, что онъ не есть. Вы, заботящіеся объ открытіи истины, отъ однихъ только насъ

¹⁾ Ирений. Тертуллианъ хочетъ сказать противное: вы обыкновенно не заставляете преступниковъ отрекаться и не подвергаете ихъ пыткамъ, ~~они~~ они сознаются.

²⁾ Это же показываютъ акты египтянскихъ мучениковъ: Vestia dixit: Christiana sum. Secunda dixit: Quod sum, ipsud volo esse. Saturnius proconsul Sperato dixit: Perseveras christianus? Speratus dixit: Christianus sum; et cum eo omnes consenserunt. 9—10.

стараетесь услышать ложь. Онъ говоритъ: я то, о чемъ ты спрашиваешь, я ли это. Зачѣмъ ты толкаешь меня на ложь. Я признаюсь, а ты подвергаешь пыткамъ. Что же ты сталъ бы дѣлать, еслибы я сталъ отрекаться? Другимъ, если они отречаются, вы, конечно, не легко вѣрите; а намъ, если мы отречаемся, вы тотчасъ вѣрите. Такое извращеніе должно было бы навести васъ на ту мысль, не скрывается ли здѣсь какая либо тайная сила ¹⁾, которая заставляетъ васъ поступать вопреки формы, вопреки обычая судопроизводства и вопреки также самихъ законовъ. Ибо, если я не ошибаюсь, законы повелѣваютъ открывать преступниковъ, а не скрывать ихъ; они предписываютъ осуждать признавшихся, а не освобождать. Таковы постановленія сената, таковы мандаты императоровъ, такова та власть, служителями которой вы состоите. Ваше господство гражданское, а не деспотическое. У деспотовъ пытки употребляются и какъ наказаніе, а у васъ онѣ допускаются только для разслѣдованія дѣла. Ими храните вы законъ до сознанія, а если сознаніе предваряетъ ихъ, то тогда онѣ становятся уже ненужными. Тогда нужно рѣшеніе; тогда преступникъ долженъ удовлетворить долгу наказанія и не долженъ быть освобожденъ. Поэтому никто и не желаетъ освободить его ²⁾; непозволительно желать этого; поэтому и никого не принуждаютъ отрекаться. Христіанина ты считаешь виновнымъ во всякаго рода злодѣяніяхъ, врагомъ боговъ, императоровъ, законовъ, обычаевъ, всей натуры, и однако принуждаешь отречься, чтобы освободить его, котораго ты не можешь освободить, если онъ не отречется. Ты дѣйствуешь противъ законовъ, ибо ты хочешь, чтобы онъ утверждалъ то, что онъ невиненъ, чтобы ты могъ объявить его такимъ даже вопреки его желанію, и чтобы онъ не былъ отвѣтствененъ за прошедшее. Откуда такое помраченіе, что вы не поразмыслите о томъ, что

¹⁾ Тертуллианъ разумѣетъ здѣсь демоновъ. Они только могли такъ аттиять умы умныхъ людей, чтобы поступать вопреки явной истинѣ. Эту же мысль высказываетъ Іустинъ Философъ (Apol. I, 12, 14).

²⁾ Сознавшагося преступника.

должно болѣе вѣрить тому, кто сознается по доброй волѣ, чѣмъ тому, кто отрекается по принужденію? Принужденный къ отреченію развѣ искренне и по убѣжденію отречется? И освобожденный развѣ не можетъ посмѣяться тутъ же предъ самымъ трибуналомъ надъ вашею ненавистію ¹⁾, сдѣлавшись опять христіаниномъ? Итакъ поелику вы поступаете съ нами во всемъ иначе, чѣмъ съ прочими преступниками, домогаясь одного, чтобы мы отреклись отъ своего имени (мы, конечно, отрекаемся, если дѣлаемъ то, чего не дѣлаютъ христіане), то отсюда вы легко можете понять, что въ дѣлѣ нашемъ нѣтъ никакого преступленія, а есть только имя, которое какой то духъ ²⁾ враждебной силы преслѣдуетъ, стараясь прежде всего о томъ, чтобы люди не хотѣли точно знать то, относительно чего имъ прекрасно извѣстно, что они не знаютъ. Поэтому и вѣрять относительно насъ тому, что не доказано, и не хотятъ производить слѣдствія, чтобы не было доказано, что того нѣтъ, вѣрить чему они очень хотятъ, чтобы имя, ненавистное тому враждебному духу, осуждалось за преступленія предположенныя, а не доказанныя, на основаніи одного только признанія. Насъ мучать, когда мы сознаемся; насъ казнять, когда мы остаемся непоколебимы; и насъ освобождаютъ, когда мы отрекаемся, потому что сраженіе идетъ изъ-за имени. Наконецъ, почему вы съ дощечки читаете въ слухъ ³⁾, что онъ христіанинъ? Почему не читаете, что онъ человекоубійца? Если христіанинъ человекоубійца, то почему и не кровосмѣшникъ, или почему онъ не все то другое, существованіе чего вы признаете въ насъ? Наши только преступленія вамъ стыдно или непріятно называть собственными именами. Если христіанинъ не виновенъ ни въ какомъ преступленіи, то имя его есть преступленіе. Если преступленіе принадлежитъ одному только имени, то оно очень опасно.

¹⁾ Aemulatio, соревнованіе, Тертуліанъ весьма часто употребляетъ вмѣсто *odium*, ненависть, *inimicitiae*, вражда.

²⁾ Демоны.

³⁾ Имена и преступниковъ, и преступленій читались вслухъ съ дощечки по окончаніи суда.

3. Что значить то, что очень многіе, сомкнувъ свои глаза, такъ ненавидятъ это имя, что, давая о комъ либо хорошій отзывъ, порицаютъ его за одно имя. Одинъ говоритъ: *хорошій человекъ Гай Сей, только что христіанинъ*. А другой говоритъ: *я удивляюсь, что Луцій Тицій* ¹⁾, *благоразумный мужъ, вдругъ сдѣлался христіаниномъ*. Никто не поразмыслить, не потому ли Гай хорошъ и Луцій благоразуменъ, что они христіане? Или не потому ли онъ христіане, что одинъ изъ нихъ хорошъ, а другой благоразуменъ? Хвалятъ, то, что знаютъ, порицаютъ то, что не знаютъ, и на то, что знаютъ, нападаютъ тѣмъ, чего не знаютъ. Но справедливѣе было бы судить о неизвѣстномъ по извѣстному, чѣмъ осуждать извѣстное по неизвѣстному ²⁾. Иные тѣхъ, которыхъ они до принятія ими христіанства знали за людей вѣтренныхъ, пустыхъ и безчестныхъ, порицаютъ тѣмъ, чѣмъ хвалятъ. Они подають свои голоса во мракъ ненависти. Какая женщина! Какъ игрива! Какъ жадна до наслаждений! Какой молодой человекъ! Какъ игривъ! Какъ склоненъ къ любовнымъ похождениямъ! И такіе то люди сдѣлались христіанами. Итакъ причину исправленія считаютъ ими. Нѣкоторые вступаютъ въ договоръ съ этою ненавистію на счетъ своихъ выгодъ ³⁾, съ удовольствіемъ соглашаются на несправедливость, лишь бы но имѣть въ домѣ того, что ненавидятъ Мужъ, уже не ревнивый, прогоняетъ свою жену, уже вѣрную. Отецъ прежде снисходившій къ своему сыну, теперь отказывается отъ него уже послушнаго. Господинъ, нѣкогда кроткій, теперь прогоняетъ ⁴⁾ съ глазъ долой раба, уже вѣрнаго. Лишь только кто дѣлается лучъ

¹⁾ У римлянъ имена Gaius, Seius и Titius употреблялись для названія лишь вымышленныхъ, а не дѣйствительныхъ. Juvenal. sat. IV, 18

²⁾ „Язычники знаютъ, что этотъ христіанинъ человекъ добрый и мудрый, тѣмъ не менѣе осуждаютъ его, какъ христіанина, хотя не знаютъ что такое христіане“. Раушенъ.

³⁾ Нѣкоторые такъ ненавидятъ христіанъ, что жертвуютъ своимъ интересами.

⁴⁾ Въ деревню на тяжелыя работы: копать камни, вертѣть жернова и проч.

АПОЛОГИЯ.

шимъ, благодаря этому имени, то тотчасъ возбуждаетъ сильную ненависть. Не столь велико благо, сколь велика ненависть къ христіанамъ ¹⁾. Итакъ если ненавидятъ одно только имя, то спрашивается, въ чемъ обыкновенно обвиняются имена или слова? Ни въ чемъ другомъ, какъ только въ томъ, что звучатъ барбаризмомъ, или предвѣщаютъ несчаствію, или содержатъ въ себѣ злорѣчіе и безстыдство. Христіанинъ же, какъ показываетъ этимологія этого слова, происходитъ отъ помазанія. Да и имя христіанинъ ²⁾, неправильно вами произносимое (ибо вы не знаете точно даже имени нашего), обозначаетъ пріятность или благодать. Итакъ ненавидятъ въ людяхъ невинныхъ и имя невинное. Но секту ненавидятъ, конечно, за имя Основателя ея. Но что въ томъ новаго, если какая либо секта беретъ имя для своихъ послѣдователей отъ имени своего основателя? Не называютъ ли философы по своимъ основателямъ платониками, эпикурейцами, пифагорейцами? Не называютъ ли также они отъ мѣстъ своихъ собраній и школъ стоиками ³⁾ и академиками? ⁴⁾ Равнымъ образомъ медики не получили ли своего имени отъ Еразистрата ⁵⁾, а грамматикъ—отъ Аристарха ⁶⁾, а повара—отъ Апиція ⁷⁾? Однако никого не ненавидятъ за имя, перешедшее вмѣстѣ съ ученіемъ учителя и на учениковъ. Конечно, если кто до-

1) Ненависть къ христіанамъ превышаетъ всякое благо (bonum).

2) Язычники второго вѣка думали, что имя христіанинъ происходитъ отъ *χρηστός*. Иуст. Апол. I, 4, 5. Tacit. Annal. XV, 44.

3) Стоики получили свое названіе отъ того, что учитель ихъ, Зенонъ изъ Киттія, основалъ школу свою въ Афинахъ въ *ποικίλῃ σκολῇ*.

4) Академиками назывались ученики Платона, учившіе, какъ и самъ Платонъ, въ Академіи, мѣстности къ сѣверо-западу отъ Афинъ, имѣвшей аллеи для гулянья и приспособленія для гимнастическихъ упражненій.

5) Знаменитый врачъ, около 304 г. до Р. Хр., оказавшій большія услуги и образовавшій особую школу, называвшуюся эразистратейцами.

6) Замѣчательнѣйшій комментаторъ и грамматикъ, жившій и учившій въ Александріи при Птоломѣѣ Филометорѣ около 170 г. до Р. Хр., объяснявшій Гомера исторически и реально и образовавшій школу.

7) Извѣстнѣйшій гастрономъ и кутила временъ Августа и Тиберія, упоминаемый римскими писателями въ видѣ пословицы.

казалъ бы, что Основатель худо и секта худа, тотъ доказалъ бы, что и имя худо, достойно ненависти за виновность секты и Основателя. Поэтому слѣдовало бы прежде, чѣмъ ненавидѣть имя, узнать секту по Основателю или Основателя по сектѣ. Но такъ какъ вы пренебрегли слѣдствіемъ и познаніемъ того и другого, то у васъ остается одно только имя, противъ него только одного идетъ война, одинъ только простой звукъ осуждаетъ и неизвѣстную секту и неизвѣстнаго Основателя, потому что эти послѣдніе только называются, а не изобличаются.

4. Итакъ, сдѣлавъ какъ бы предисловіе для порицанія несправедливости общественной ненависти къ намъ, начну ужъ защищать дѣло невинное ¹⁾, и не только отвергну то, въ чемъ насъ обвиняютъ, но и обращаю это на самихъ обвинителей, чтобы отсюда люди знали, что христіане не имѣютъ того, что, какъ имъ извѣстно, есть у нихъ самихъ, и чтобы они устыдились, обвиняя, не говорю, худшіе—лучшихъ, но по крайней мѣрѣ равные—равныхъ себѣ. Мы будемъ отвѣчать отдѣльно на все то, что, какъ говорятъ, мы дѣлаемъ тайно, но что, какъ мы знаемъ, совершаютъ явно тѣ самые, которые насъ считаютъ злодѣями, лжецами, людьми, достойными осужденія и осмѣянія. Когда наша истина даетъ отказъ всему, то противъ нея наконецъ выставляется авторитетъ законовъ. Говорятъ: послѣ законовъ не должно дѣлать разсужденій; хочешь, не хочешь, а повиновеніе имъ должно предпочитать самой истинѣ. Поэтому я съ вами, какъ хранителями законовъ, вступлю въ пренія о законахъ. Во-первыхъ, какое жестокое постановленіе вы дѣлаете, говоря: *вамъ не позволено быть* ²⁾. И это вы предписываете безъ всякаго гуманнаго разсужденія;

¹⁾ *Jam de causa innocentiae consistam. Consistere, становиться*, на языкѣ судебномъ означаетъ *judicio congregari, состязаться на судъ*. Поэтому болѣе точный переводъ этого мѣста такой: *теперь ужъ я буду состязаться съ вами на судъ о дѣлѣ невинномъ*.

²⁾ Сульпицій Северъ о Неронѣ говоритъ: „начато было жестокое гоненіе противъ христіанъ: послѣ также воспрепятствовалась религія издаваемыми законами и эдиктами, не позволялось явно быть христіаниномъ. Поэтому Петръ и Павелъ осуждены были на смерть“. Chron. II, 29.

вы объявляете насиліе и несправедливую тираннію, если утверждаете, что намъ не дозволено быть потому, что такъ вамъ угодно, а не потому, что того требуетъ долгъ. Если вы не хотите дозволять потому, что не должно дозволять, то, безъ сомнѣнія, не должно дозволять то, что худо, и, конечно, этимъ самымъ предполагается, что должно дозволять то, что хорошо. Если я найду, что то хорошо, что законъ твой запретилъ, то можетъ ли онъ по тому предварительному разсужденію запрещать мнѣ то, что онъ въ правѣ былъ бы запретить, если бы оно было зло. Если твой законъ впалъ въ заблужденіе, то, полагаю, онъ принять отъ человѣка, а не произошелъ конечно отъ Бога. Удивляетесь ли вы или тому, что человѣкъ могъ ошибиться, составляя законы, или тому, что онъ поправилъ свою ошибку, отвергая ихъ? Ибо законы и самого Ликурга, исправленные лакедемонянами, не принесли ли издателю ихъ столько скорби, что онъ осудилъ себя самого на голодную смерть въ уединеніи ¹⁾. Да и вы, благодаря опыту, освѣщающему мракъ древности, не измѣняете ли и не отмѣняете ли ежедневно древніе и негодные законы новыми рескриптами и эдиктами императоровъ? Северъ, консервативнѣйшій императоръ, не измѣнилъ ли недавно пустѣйшіе Павіевы законы, которые повелѣвали рождать прежде, чѣмъ законы Юліевы — вступать въ бракъ, не смотря на древность этихъ законовъ ²⁾? Были нѣкогда законы, по

¹⁾ Здѣсь Тертуліанъ слѣдуетъ Плутарху. А Плутархъ повѣствуетъ, что Ликургъ клятвою обязалъ сенатъ и гражданъ въ точности исполнять его законы, пока онъ не возвратится изъ Делѣтъ, и чтобы оставить ихъ навсегда связанными этою клятвою, окончилъ жизнь свою голодною смертію. Luc. 46.

²⁾ У Раушена этому мѣсту Тертуліана дается такое объясненіе: „Закономъ *de maritandis ordinibus* въ 18 году до Р. Хр. Августъ постановилъ, что промежутокъ между обрученіемъ и бракомъ можетъ продолжаться три года. Но такъ какъ этотъ промежутокъ показался ему длиннымъ и такъ какъ многіе злоупотребляли имъ, пользуясь почестями и привилегіями людей женатыхъ и не доставляя дѣтей государству, то Августъ въ 9 году послѣ Р. Хр., при консулахъ Павіи и Помпей, сократилъ этотъ промежутокъ съ трехъ лѣтъ на два года“. Поэтому законами

которымъ осужденные должники разрубались на части своими кредиторами ¹⁾). Но такіе жестокіе законы по общему согласію отмѣнены, и смертная казнь замѣнена позорнымъ знакомъ. Употреблявшееся объявленіе объ аукціонной продажѣ имущества хотѣло скорѣе подлить крови въ человѣка, чѣмъ вылить ее изъ него. Сколько у васъ доселѣ есть такихъ законовъ, которые должно исправить? Законы дѣлаются неприкосновенными не числомъ лѣтъ, не авторитетъ ихъ издателей, а одна только справедливость. Поэтому когда дѣлается извѣстно ихъ несправедливость, то они по заслугамъ осуждаются, хотя и сами осуждаютъ. Какъ мы называемъ законы несправедливыми? Если они наказываютъ за одно только имя, то мы называемъ ихъ не только несправедливыми, но даже глупыми. Если же наказываютъ дѣла, то почему наказываютъ дѣла на основаніи одного только имени. У другихъ наказываютъ дѣла послѣ доказательства ихъ виновности, а не на основаніи одного только имени? Я кровосмѣшникъ; почему не производить слѣдствіе надо мною. Я дѣтоубійца; почему меня не подвергаютъ пыткамъ. Я допускаю нѣчто противъ боговъ, противъ императоровъ; почему не выслушиваютъ меня, который имѣетъ, чѣмъ защититься? Никакой законъ не запрещаетъ разслѣдовать то, что запрещаетъ дѣлать; ибо ни судья не можетъ наказывать справедливо, если не узнаетъ, что сдѣлано то, что не дозволено дѣлать, ни гражданинъ не можетъ вѣрно повиноваться закону, если не знаетъ того, что законъ наказываетъ. Никакой законъ не обязанъ одному только себѣ сознаніемъ своей справедливости, но онъ обязанъ этимъ и тѣмъ, отъ кого ожидаетъ повиновенія. Но тотъ законъ подозрителенъ, который

De maritandis ordinibus 9 г. по Рождествѣ Христовѣ римляне дѣйствительно принуждались имѣть дѣтей равнѣе, чѣмъ тѣмъ же законами 18 г. до Р. Хр. принуждались вступать въ бракъ.

¹⁾ По закону XII таблицъ должникъ, въ случаѣ неуплаты долга принадлежащаго нѣсколькимъ кредиторамъ, могъ по приговору судьи разрубаться на части. Но этотъ жестокий законъ, по свидѣтельству Геллія: Квинтилліана, никогда не прилагался къ дѣлу: *eam legem mos publicus repudiavit*. Этотъ законъ былъ отмѣненъ въ 427 г. по *lex Poetelia*.

не желаетъ, чтобы его критиковали. Если же законъ господствуетъ безъ критики, то онъ произволенъ.

5. Чтобы сказать что либо о происхожденіи такого рода законовъ, то было древнее постановленіе, по которому никакой императоръ не могъ включать въ сонмъ боговъ никого безъ соизволенія на то сената ¹⁾. Это знаетъ М. Эмилиј по дѣлу своего бога Албурна ²⁾. Въ пользу нашу говорить и то, что у васъ Божество зависитъ отъ человеческого произвола. Если Богъ не угоденъ будетъ человѣку, то не быть Ему богомъ. Человѣкъ ужъ долженъ оказывать милость Богу. Поэтому Тиберій, во время котораго имя христіанское появилось въ міръ, донесъ сенату то, что сообщено ему было изъ Сирійской Палестины, именно, что тамъ открыли истиннаго Бога, съ выраженіемъ своего мнѣнія ³⁾. Но сенатъ не принялъ его мнѣнія, такъ какъ самъ предварительно не изслѣдовалъ дѣла. Императоръ же остался при своемъ мнѣніи и грозилъ обвинителямъ христіанъ наказаніемъ. Раскройте свои комментаріи и тамъ вы найдете, что Неронъ первый свирѣпствовалъ съ своимъ императорскимъ мечемъ противъ этой секты, которая распространялась въ особенности въ Римѣ. Но такой виновникъ нашего гоненія доставляетъ намъ даже славу; ибо кто знаетъ его, тотъ можетъ понять, что онъ ничего не преслѣдовалъ, кромѣ великаго блага. Преслѣдовалъ насъ и Домиціанъ, часть Нерона по жестокости. Но такъ какъ въ Домиціанѣ еще было нѣчто человѣческое, то онъ скоро прекратилъ то, что началъ, возвративши даже тѣхъ, которыхъ отправилъ въ ссылку. Таковы всегда наши преслѣдователи, люди несправедливые, нечестивые, опозоренные, которыхъ

¹⁾ Римскіе императоры обоготворяли кого-либо только по опредѣленію сената. Marquardt, Rom. Staatsverwaltung III, 264 стр.

²⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ одинъ только Тертуліанъ и притомъ три раза (Adv. Marc. I, 18. Ad nat. I, 10). Свѣдѣніе это онъ почерпнулъ, вѣроятно, у Варрона. Албурій — гора въ Луканіи. Отсюда, вѣроятно, получилъ названіе и богъ Албурнъ, какъ покровитель этой горы.

³⁾ Рассказъ этотъ сомнителенъ, хотя о немъ упоминаютъ историкъ Евсевій и Іоаннъ Златоустъ.

и сами вы, обыкновенно, осуждаете и осужденных которыми оправдываете. Но изъ столькихъ императоровъ, слѣдующихъ за ними до настоящаго включительно, знающихъ предметы божественные и человѣческіе, укажите хоть одного, который гналъ бы христіанъ. А мы напротивъ Марка Аврелія, серьезнѣйшаго императора, объявляемъ покровителемъ ихъ, если найдено будетъ то письмо его, въ которомъ онъ свидѣтельствуешь, что жажда германскаго войска его была утолена дождемъ, испрошеннымъ молитвами воиновъ христіанскихъ ¹⁾. Хотя онъ прямо не отмѣнилъ наказаній христіанъ, однако на самомъ дѣлѣ нѣкоторымъ образомъ устранилъ ²⁾ ихъ, опредѣливъ обвинителямъ ихъ осужденіе даже тягчайшее ³⁾. Каковы поѣтому тѣ законы, которыми пользуются противъ насъ люди только нечестивые, несправедливые, развращенные, жестокіе, низкіе, безумные? Эти законы обошелъ отчасти Траянъ, запретивъ разыскивать христіанъ. Этими законами не пользовался ни Адрианъ, хотя онъ старался узнать все таинственное, ни Веспасіанъ, хотя онъ завоевалъ іудеевъ, ни Пій, ни Веръ. Конечно, должно полагать, что худшіе люди должны быть

¹⁾ () чудесномъ дождѣ, бывшемъ въ то время, единогласно свидѣлствуютъ христіанскіе и языческіе писатели, но причину появленія этого дождя объясняютъ различно. Тертулліанъ и Аполлинаръ говорятъ, что дождь этотъ дарованъ былъ Богомъ истиннымъ, по молитвамъ христіанъ; Капитолинъ приписываетъ испосланіе его языческимъ богамъ, по молитвѣ императора, а Діонъ Кассій—искусству Ануфа, мага египетскаго. Что касается до упоминаемаго здѣсь письма императора Марка-Аврелія, написаннаго по случаю чудеснаго дождя, испосланнаго германскому войску, то Діонъ Кассій говоритъ, что Маркъ-Аврелій писалъ объ этомъ въ сенатъ, но нельзя допустить, чтобы онъ приписывалъ тамъ появленіе этого дождя Богу христіанскому.

²⁾ *Dispersit* = *irritum fecit*, сдѣлалъ недействительнымъ.

³⁾ Капитолинъ говоритъ, что Маркъ-Аврелій возставалъ противъ каверзъ донощиковъ тѣмъ, что наложилъ наказаніе на ложныхъ доносчиковъ. (Anton. Philosoph. II, 1). Быть можетъ, на это намекаетъ здѣсь Тертулліанъ. Ибо неизвѣстно, чтобы Маркъ-Аврелій положилъ наказаніе именно на донощиковъ на христіанъ.

мстребляемы скорѣе лучшими людьми, какъ противниками своими, чѣмъ своими сообщниками, то есть, худшими.

6. Теперь я желаю бы, чтобы благоговѣннѣйшіе защитники и охранители отеческихъ законовъ и обычаевъ сказали мнѣ о своей вѣрности, о своемъ почтеніи и повиновеніи постановленіямъ предковъ, если они ни отъ одного изъ нихъ не отступили, если они ни въ одномъ изъ нихъ не произвели измѣненій, если они не уничтожили всего необходимаго и наилучшаго для дисциплины. Куда же исчезли тѣ законы, которые воспрещали роскошь и тщеславіе ¹⁾, которые повелѣвали тратить на обѣдъ не болѣе ста ассовъ ²⁾ и подавать на столъ не болѣе одной курицы и притомъ неоткормленной ³⁾, которые изгоняли изъ сената патриція, какъ мужа тщеславнаго, за то, что онъ имѣлъ десять фунтовъ серебра ⁴⁾, которые разрушали театры немедленно послѣ ихъ появленія ⁵⁾, такъ какъ они развращали нравы, ко-

1) Разумѣется *leges sumptuariae* и *leges de ambitu*, законы, касающіеся расходовъ, издержекъ и незаконнаго искательства почетныхъ должностей.

2) Капитову Атею, замѣчательнѣйшему юристу времянь Августа и Тиберія, былъ извѣстенъ декретъ сената, воспрещавшій тратить на обѣдъ, во время цибелливыхъ игръ, болѣе 120 ассовъ, за исключеніемъ масла, муки и національнаго вина (*Gell. Noct. Att II, 24*). Закономъ Лицинія не дозволялось тратить на свадьбахъ болѣе 200 ассовъ, кромѣ фруктовъ и зелени. Фанній, консулъ 161 г. до Р. Хр., издалъ *lex sumptuaria*, которымъ дозволялось тратить на обѣдъ не болѣе 100 ассовъ, почему этотъ законъ называется *lex centussis*.

3) Закономъ Фаннія предписывалось не полагать на столъ никакой птицы, кромѣ одной курицы, да и та не должна быть откормлена. (*Plin. X, 30*).

4) Подъ патриціемъ разумѣется здѣсь Корнелій Руфъ, который удаленъ былъ изъ сената цензорами Г. Фабриціемъ Лупиномъ и Кв. Эмилиемъ Папомъ за то, что онъ имѣлъ 10 ф. столоваго серебра. (*Gell. Noct. Att. XVII, 21*).

5) Цензоръ Г. Кассій хотѣлъ выстроить каменный театръ, и онъ былъ выстроенъ, но онъ былъ разрушенъ въ 154 г. до Р. Хр., какъ порча нравственности, и до 55 г. до Р. Хр. въ Римѣ не было постоянного театра.

которые не позволяли безъ основанія и наказанно пользоваться почетными должностными и родовыми знаками ¹⁾? Ибо я вижу и сотенные обѣды, которые должно такъ называть потому, что на нихъ затрачиваютъ уже сотни тысячъ сестерцій ²⁾, — и сантки серебра, обращеннаго въ блюда, и это послѣднее не только у сенаторовъ, но даже и не у вольноотпущенниковъ или у тѣхъ, которые еще рвутъ бичи ³⁾. Вижу я театры, не совсѣмъ одинокіе и необнаженные ⁴⁾. Ибо, чтобы безстыдное удовольствіе не озябло и зимою, лакедемоняне первыя выдумали для зрѣлищъ ненавистную пенулу ⁵⁾. Вижу, что между матронами и публичными женщинами не осталось никакого различія въ одеждѣ ⁶⁾. Исчезли также и тѣ институты предковъ, которые охраняли умѣренность и воздержность женщинъ, когда ни одна женщина не носила золота, исключая одного пальца ради брачнаго кольца, которое женихъ давалъ въ залогъ любви ⁷⁾, когда женщины такъ воздерживались отъ вина, что одна матрона за отпечатаніе шкапчи-

¹⁾ Сюда относятся *toga praetexta, anuli aurei, lunati calcei*.

²⁾ *Centennarias cornas*. Сотенными обѣдами, какъ замѣчаетъ Фебгзъ, назывались такіе, на которыхъ по закону Лицінія тратилось не болѣе 100 ассовъ, кромѣ произведеній эсмли. Тертуліанъ говоритъ, что обѣды его времени должны быть названы *centennariae a centenis sestertiis*. *Sestertius* — серебряная римская монета, равнявшаяся 2½ асамъ и 4 *sestertium* = 1000 *sestertii* сестерціевъ. Тутъ подъ словомъ *sestertiis* надо разумѣть *sestertium*, а не *sestertius*. Поэтому стоимость обѣдовъ времени Тертуліана сравнительно съ стоимостью ихъ въ древнее время увеличилась въ двѣ съ половиною или четыре тысячи разъ.

³⁾ Тертуліанъ намекаетъ на обычай бить рабовъ плетью.

⁴⁾ Театры въ древности подвергались преслѣдованію, а во время Тертуліана ихъ было много и они были уже крытые: покрывались парусиною для защиты отъ жары и холода.

⁵⁾ Понула — тяжелая и длинная одежда, употреблявшаяся македонянами во время военныхъ походовъ для защиты отъ дождя и холода. Тертуліанъ называетъ ее ненавистною, такъ какъ она была тяжела.

⁶⁾ Женщины легкаго поведенія носили короткую одежду.

⁷⁾ По Плинію, обручальное кольцо въ древности было желѣзное а не золотое (*Natur. Hist. XXXIII, 1*).